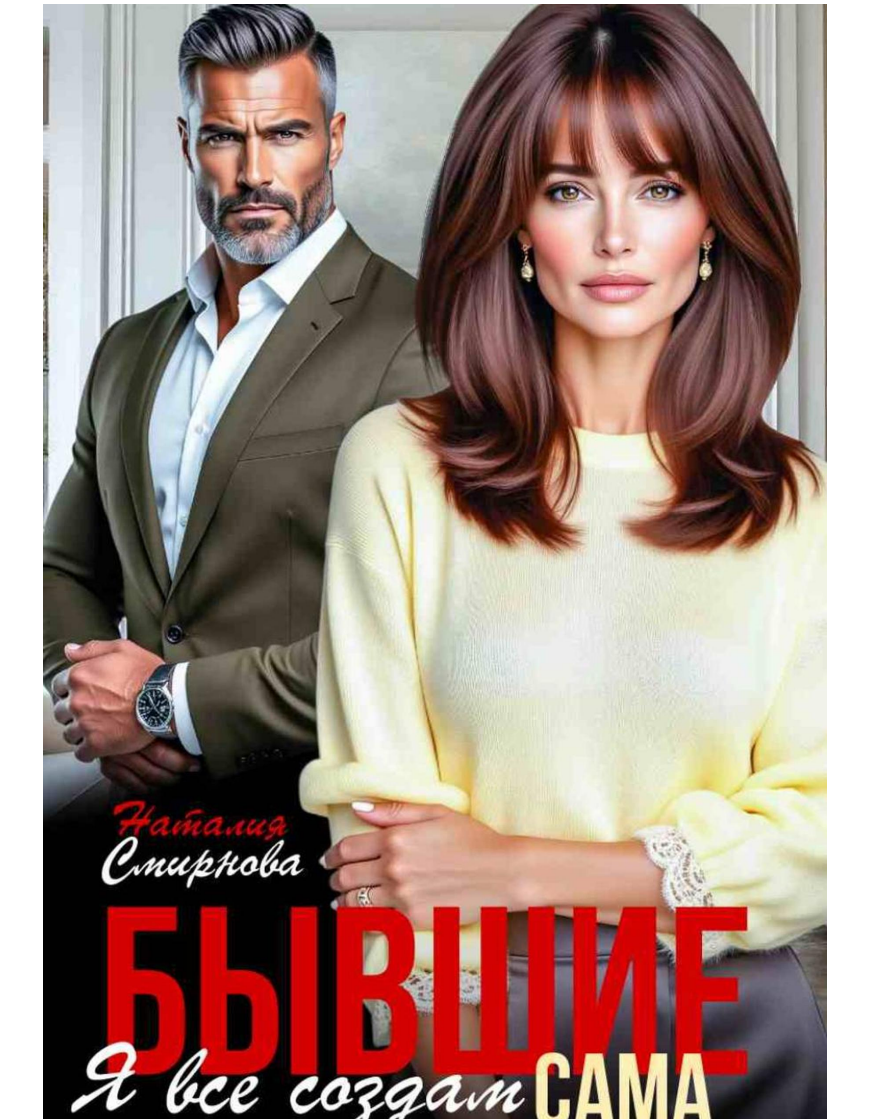

*Наталья
Смирнова*

БЫВШИЕ
Я все создам САМА

Наталия Смирнова

БЫВШИЕ. Я всё создам сама

<https://litres.ru/74074094>

SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, что за спиной каждого великого мужчины стоит сильная женщина. Но никто не спрашивает, каково ей там стоять — в тени чужих погон, под вечным грузом «чести мундира» и ледяным ветром генеральских приказов.

Анна Брониславовна знала правила этой игры наизусть. Молчать, соответствовать, не мешать. Но когда жизнь нанесла удар под дых — предательство мужа и внезапное рождение дочери в сорок четыре года — правила перестали работать...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Бывшие. Я всё создам сама

Глава 1

Утро началось с привычки. Двадцать пять лет я просыпалась за пятнадцать минут до будильника Григория, чтобы успеть сварить кофе и прогладить его китель. Сегодняшний день был особенным — наша серебряная свадьба. В шкафу висело купленное месяц назад платье синего цвета, а в холодильнике ждала своего часа утка. . . . Григорий ушел на службу рано, лишь коротко кивнув мне на прощание. Я списала это на грядущее совещание в штабе. Генеральская жизнь приучила меня к его немногословности и вечной занятости. Мы сменили множество гарнизонов. Я помню ледяной ветер Забайкалья, где белье на улице застывало за пять минут, превращаясь в фанеру, и пыльную жару южных степей. Я умела обживать бетонные коробки казенных квартир за три дня. Моя жизнь была его тылом.

Никита, наш восемнадцатилетний сын, проснулся поздно. Он в последнее время стал замкнутым, всё чаще пропадал в гараже со своим старым мотоциклом.

— Мам, поздравляю, — буркнул он, целуя меня в щеку.
— Отец звонил?

— Нет, сынок, занят, наверное. Вечером отметим.

Весь день я провела на кухне. Фаршировала утку, терла

сыр для салата, готовила любимые блюда, как Гриши, так и Никиты. В груди было странное томление — не предчувствие беды, а какая-то непонятная усталость. Будто я тащила тяжелый вещевой мешок и наконец-то разрешила себе его поставить на землю. Двадцать пять лет. Четверть века.

Григорий пришел в девятнадцать ноль-ноль. Пунктуальность была его второй натурой. Он вошел в прихожую, не снимая фуражки. Я вышла встречать его в том самом синем платье, с улыбкой, которая застыла на губах, едва я увидела его взгляд. На меня смотрел и не муж мой, с которым мы столько лет были вместе, а посторонний человек. Он как бы оценивал состояние объекта перед списанием.

— Садись, Аня, — сказал он, проходя в гостиную. Даже не взглянул на накрытый стол.

— Гриша, может, сначала поужинаем? Утка остынет.

— Сядь, — повторил он тоном, не терпящим возражений.

Я опустила на край дивана. Из своей комнаты вышел Никита, прислонился к дверному косяку, скрестив руки на груди. Григорий даже не обернулся на сына.

— Я ухожу, — он снял фуражку и положил ее на стол поверх накрахмаленной салфетки. — Я долго думал. Нашей семьи больше нет. Мы живем как соседи, Аня. Мне пятьдесят, я еще хочу чувствовать жизнь, а не просто возвращаться в чистую квартиру к горячему обеду. У меня есть женщина. Она другая. С ней я чувствую себя мужчиной, а не просто функцией в погонах.

В комнате стало очень тихо. Я смотрела на его руки — крупные, с мозолями от оружия, с золотым кольцом, которое он никогда не снимал.

— Как давно? — спросила я.

— Год. Я хотел дотянуть до этой даты, чтобы всё было честно. Квартиру оставляю тебе и сыну. Содержать буду. Но притворяться больше не могу.

Я не чувствовала боли. Сначала пришло недоумение. Хорош генерал, он целый год ел со мной хлеб, спал в нашей постели и планировал этот уход.

— Ты ее любишь? — я задала самый глупый вопрос в мире.

— Да. Ей тридцать. Она не видела гарнизонов, Аня. Она легкая. А ты... вся пропахла моими уставами и этой вечной покорностью. Мне душно. — Я встала. Спокойно, без единого лишнего движения. Прошла в спальню, достала из-под кровати большой чемодан. Вернулась в гостиную и начала открывать шкафы. — Аня, что ты делаешь? — Григорий нахмурился. — Я думал, мы обсудим детали... Ты должна была устроить скандал, зарыдать. Я ждал, что ты будешь бороться.

— Есть за что, Гриша? За право и дальше гладить твои рубашки, зная, что ты думаешь о другой? — я молча складывала его вещи. Стопки белья, парадная форма, свитера. — Твои бритвенные принадлежности в ванной, заберешь сам, — я застегнула молнию чемодана и толкнула его к нему. — Уходи. Прямо сейчас.

Он стоял, растерянно моргая. Великий генерал, привыкший к женским слезам и мольбам подчиненных, был сбит с толку моим безразличием. Его «честный» уход превратился в обычное вышвыривание вещей.

— Ты предатель, — негромко произнес Никита, отталкиваясь от дверного проема.

— Сын, ты не понимаешь... — Григорий резко обернулся.
— Это мужское решение.

— Кому ты это говоришь отец мне или себе? — Никита горько усмехнулся. — Ты бросаешь мать в день свадьбы ради девицы, которая младше тебя на двадцать лет. И, по-твоему, это решение? Я думаю, что ты ведешь себя, как трус.

А потом сын сорвался с места, схватил куртку и вылетел из квартиры. Хлопок двери прозвучал как выстрел. Григорий постоял еще минуту, взял чемодан за ручку.

— Я позвоню завтра, — бросил он и вышел.

Я осталась одна в синем платье перед накрытым столом. Утка в духовке начала подгорать. Я подошла, выключила плиту и села на кухне, глядя в окно. Бывшие. Теперь мы — бывшие. Странное слово, колючее.

Прошел час. Потом три. Никита не возвращался. Я звонила ему раз двадцать — телефон был вне зоны доступа. К полуночи страх за сына вытеснил обиду на мужа. Я металась по квартире, прислушиваясь к каждому шороху в подъезде. В два часа ночи я снова набрала Григория.

— Слушаю, — ответил он сонным, но довольным голо-

сом.

— Аня, я же сказал, адвокат позвонит...

— Никита не вернулся, Гриша. Его нет пять часов. Телефон отключен.

— Перестань истерить. Парень взрослый. Погуляет и придет. Не ищи повода меня дергать.

Он повесил трубку. Я опустилась на стул в прихожей. Тишина квартиры давила на уши. Я еще не знала, что это — лишь затишье перед настоящей бурей...

Глава 2

Остаток ночи я провела у окна. Каждый свет фар во дворе заставлял сердце подскакивать к горлу, но машины проезжали мимо. Никита не возвращался. Григорий больше не брал трубку — видимо, поставил мой номер в блок, чтобы «бывшая» не мешала его новой, легкой жизни. Я уснула тут же около окна в кресле.

Утро встретило меня серым небом и нетронутым праздничным столом. Запах остывшей утки казался тошнотворным. Я механически сложила еду в контейнеры и вынесла к мусорным бакам — в этом доме больше нечего было праздновать.

Первым делом я поехала в гаражи. Никита проводил там всё свободное время, копаясь в старом «Иже», который он восстанавливал по винтику.

— Эй, хозяйка, ищешь кого? — окликнул меня сосед по боксу, дядя Коля.

— Никита не заходил? — я старалась, чтобы голос не дрожал.

— Был вчера вечером. Злой как черт, ключами швырялся. Выкатил мотоцикл и улетел. Я еще подумал: разобьется же на такой скорости, дурак молодой.

Холод пробежал по спине. Мотоцикл. Никита всегда ездил осторожно, но вчера он был не в себе. Слова отца про

«другую женщину» ударили по нему не меньше, чем по мне.

Я начала обзванивать его друзей. Артем, лучший друг со школы, ответил после десятого гудка.

— Анна Брониславовна, честно, не знаю. Он заезжал вчера на полчаса. Сказал, что отец — предатель, и он больше в тот дом не вернется. Я звал его переночевать, но он сорвался, сказал, что нужно проветрить голову. Больше я его не видел.

К обеду я была в отделении полиции. Дежурный посмотрел на меня с усталым сочувствием.

— Женщина, восемнадцать лет парню. Поругался с родителями, уехал к девчонке или на дачу. Трое суток не прошло, заявление не примем. Ждите.

Я вышла на крыльцо и прислонилась к холодной стене. «Ждите». Легко сказать, да вот материнское сердце ныло, и внутри была какая-то странная тянущая боль внизу живота, но я списала это на нервы. Я не ела со вчерашнего дня, только пила пустой чай.

Вторая ночь прошла в полубреду. Я ходила по комнате сына, перебирала его учебники, вдыхала запах его толстовки. Григорий так и не пришел и не звонил. Для него мы с сыном стали перевернутой страницей, досадным шумом, который мешал слушать смех тридцатилетней девушки...

А вечером тишина в квартире стала невыносимой. Я снова и снова набирала номер Никиты. «Аппарат абонента выключен». Я позвонила Григорию с городского телефона. Он ответил сразу.

— Да, слушаю.

— Гриша, сына нет второй день. Ты понимаешь? — я сорвалась на крик.

— Аня, прекрати этот спектакль, — его голос был стальным, генеральским. — Никита — взрослый мужик. Он протестует. Ты его сама накрутила своим молчанием. Дай ему остыть. И мне дай жить спокойно с моей Эвелиной. Не звони сюда больше.

Короткие гудки. Я медленно опустила трубку на рычаг. В этот момент зазвонил мой мобильный. Незнакомый номер.

— Алло? — я почти задохнулась.

— Анна Брониславовна? Это дежурный врач городской больницы. Ваш сын, Никита Григорьевич, поступил к нам. ДТП на кольцевой. Состояние крайне тяжелое, он в реанимации. Срочно приезжайте.

Я не помню, как добежала до остановки. Не помню, как кричала таксисту, чтобы он ехал быстрее... Я влетела в приемный покой, едва не сбив с ног медсестру.

— Где мой сын? Где Никита?

— Фамилия? — женщина за стойкой медленно листала журнал.

— Громов Никита Григорьевич.

— Да, поступал, — женщина за стойкой кивнула, даже не подняв глаз от журнала. — Операцию провели недавно. Идите по коридору, третья дверь направо — там реанима-

ция. И халат накиньте... Но вас всё равно не пустят!

Последние слова я проигнорировала. Плевать.

Я рванулась вперед, на ходу натягивая бахилы и выхватывая со стойки жесткий, едко пахнувший хлоркой халат. Пальцы онемели, не слушались, пуговицы казались издевательски мелкими. Я почти бежала, а в голове, как заезженная пластинка, билось одно: «Держись, сынок, я рядом».

Так было всегда. Когда он в детстве разбивал коленки в кровь, я дула на них и обещала, что всё заживет. Но в этот раз коленками не обошлось.

Мне хотелось влететь туда, сорвать все эти трубки, прижать его к себе и выть от бессилия, но я не имела на это права. Нужно было быть сильной — ради него.

Я бежала на второй этаж и остановилась у тяжелой стеклянной двери. Через небольшое окно я увидела его. Мой сын лежал на каталке опутанный проводами. Лицо скрыто под маской ИВЛ, голова забинтована. Мир вокруг меня начал вращаться. Внизу живота кольнуло так остро, что я согнулась пополам. Я почувствовала, как колени касаются холодного кафеля, а потом наступила темнота.

— Анна Брониславовна! Слышите меня? — говорил очень беспокойный чей-то голос.

Я открыла глаза. Надо мной горел яркий свет смотровой.

Рядом суетилась медсестра.

— Где... Никита? — прохрипела я. — мой сын...

— Лежите, милая. С сыном все в прятке. Организм молодой, справится. А вы сознание потеряли, давление совсем упало. И когда вы ели в последний раз?

— Не помню... чай только.

Дверь открылась, вошла женщина в синем халате. На бейджике написано Елена Владимировна. Она осмотрела меня, долго молчала, а потом присела на край кушетки.

— Анна Брониславовна, — тихо произнесла она. — Организм у вас на пределе. Мы взяли анализы. У вас беременность... но из-за стресса сильная угроза.

Я замерла... Беременность... Сорок три года. Сын в коме, а муж ушел к молодой...

Я еще не успела осознать эту новость, как в коридоре раздался громовой голос Григория. Он требовал врачей, кричал, что он генерал. Я закрыла глаза, не желая его видеть. Сейчас он был для меня просто чужим человеком, который разрушил наш дом.

— Переводим её в гинекологию, — распорядилась врач. — И обеспечьте ей покой. Никаких посетителей, пока не стабилизируем.

Меня повезли на каталке, но Григорий так и не увидел меня в тот момент. Он метался у дверей реанимации, а я уезжала в другой корпус, унося в себе крошечное, еще невидимое «тук-тук», которое теперь было единственной причиной, по

которой мне стоило дышать.

Глава 3

В сорок три года ты уже не ждешь от своего тела сюрпризов. Ты знаешь все его капризы: как ноет спина после уборки, как отекают пальцы к вечеру. Но я совершенно не была готова к тому, что мой организм, выжатый двадцатью пятью годами гарнизонных переездов и вечного ожидания, решит сыграть со мной в «новую жизнь» именно сейчас... Меня везли на каталке. Потолок больничного коридора плыл перед глазами — серые плитки, трещины, мигающие лампы.

— Дышите, — молоденькая санитарка катила меня по переходу. — Я вас сначала в кабинет к заведующей завезу на УЗИ. А потом уже в палату, вам там капельницу поставят. Главное не плачьте. Все будет хорошо.

Я смотрела на свои руки. На костяшках пальцев еще остался след от чистки картошки к тому самому несостоявшемуся ужину. Воздух в отделении был спертый, пах хлоркой и залежалыми матрасами. Гинекология находилась в одном корпусе с реанимацией, и эта мысль сверлила мозг: мы с Никитой под одной крышей, но, между нами, этажи бетона и абсолютная неизвестность.

Врач, плотная женщина в очках, долго водила датчиком по моему животу. В кабинете было прохладно, гель казался ледяным.

— Смотри, мамочка, — она развернула монитор. Я увиде-

ла. Крошечное пятнышко. И ритмичный звук: тук-тук, тук-тук. Быстрый, отчаянный, он перекрывал шум крови в моих ушах. — Сердцебиение есть. Четырнадцать недель, — она вытерла мне кожу жесткой салфеткой. — Еще немножко и выкидыш бы был. Видимо, набегалась ты за эти дни. И никаких «сбегаю к сыну». Встанешь только в туалет. Поняла? Если хочешь выносить — забудь про всё, кроме этой койки.

Я кивнула, глядя в потолок. Четырнадцать недель. Как сейчас помню тот вечер. Гриша пришел со службы непривычно тихий. Мы тогда открыли бутылку вина, он долго смотрел на меня, а я думала — это от усталости. Оказывается, это был последний уголек нашего костра.

Вечером дверь палаты распахнулась без стука. Григорий вошел своей «командирской» походкой, в руках — пакет из дорогого магазина. От него пахло морозным воздухом и его тяжелым парфюмом.

— Я всё узнал, Анна, — он остановился у окна, даже не сняв куртку. Давно он так не называл меня только когда мы познакомились двадцать пять лет назад, — Поговорил с заведующей. Завтра тебя переведут в платную палату, там и телевизор, и душ свой.

— Не надо, Гриша, — я закрыла глаза.

— Мне и здесь нормально. Тихо.

— Аня, не начинай. Тут условия — как в казарме. Я принес фрукты, соки. Лекарства лучшие куплю.

Он подошел ближе. Я видела его лицо — помятое, с крас-

ными прожилками на глазах. Генерал, который привык отдавать приказы жизни, вдруг столкнулся с тем, что жизнь его не слушается.

— Врач сказала... — он замялся, голос стал тише. — Про ребенка. Это правда?

— Правда.

— Почему молчала?

— Я сама не знала, Гриша. А если бы и знала — что это меняет? Ты бы не ушел? Оставил бы ту, тридцатилетнюю, ради очередной варки борща со мной? — я усмехнулась, не открывая глаз. Чувствовала, как внутри закипает какая-то холодная горечь.

Григорий промолчал. Я посмотрела на него и увидела, как его взгляд скользнул по моему животу. В нем не было радости. Только растерянность и досада человека, чей план идеального побега в новую жизнь внезапно осложнился лишним пунктом.

— Это мой ребенок, — выдавил он наконец.

— По документам — да. Но по факту ты ушел от нас троих, просто об одном еще не знал. У этого ребенка буду я и Никита. Если сын выживет.

— Не смей хоронить парня! — Гриша сорвался, ударил кулаком по спинке пустой соседней кровати. Железо лязгнуло. — Я его вытащу. И тебя не оставляю. Я же не зверь.

Я посмотрела на него — спокойно, почти с жалостью.

— Ты уже нас оставил, Гриша. В тот момент, когда я со-

брал твой чемодан. Сейчас ты просто пытаешься купить себе прощение этими пакетами с соком. Не траться. Совесть у тебя военная, она быстро найдет оправдание. Уходи. Мне тяжело дышать, когда ты рядом.

Когда за ним закрылась дверь, я повернулась к стене. Стены в палате были выкрашены в казенный голубой цвет, краска местами вздулась и шелушилась. Я провела пальцем по трещине на штукатурке. Сорок три года. Муж — «бывший». Квартира — его. Сын — в коме. Внутри — «тук-тук».

Я не плакала. Слез больше не было, они будто выгорели внутри. Вместо них пришло странное, почти физическое ощущение своей силы. Я поняла: мне больше не нужно быть «женой генерала». Мне не нужно соответствовать, ждать и прощать. Я осталась нагим человеком на ветру, и это, как ни странно, давало мне право быть собой. Теперь я буду зубами вырывать жизнь для Никиты и для этого крошечного пятнышка на мониторе. И Григорий в этой моей новой войне был уже лишним.

Запах больницы за неделю стал моим вторым парфюмом: едкая хлорка, спирт, застоявшийся воздух коридоров и специфический, ни с чем не сравнимый аромат казенной еды. К этому невозможно привыкнуть, но в этом начинаешь растворяться.

На утреннем обходе, дождавшись, пока заведующая осмотрит мою соседку по палате, я решилась спросить у ле-

чащего врача.

— Татьяна Владимировна, а я могу сына навестить?

Она внимательно посмотрела на меня поверх очков, на мгновение замерла, а затем коротко кивнула:

— Хорошо. Можете пойти к нему. Но учтите, Анна Брониславовна: пускаю под мою личную ответственность. И только при одном условии — никаких слез. Если начнете рыдать, я вас в палате запру и больше до выписки никуда не выпущу. Договорились?

Я кивнула. Слов не было — в горле стоял комок. Сердце ныло за него. Как он там?

Глава 4

Я шла по коридору медленно. Каждый шаг отдавался глухим эхом в пустом коридоре. Придерживалась за холодную масляную краску стен, стараясь дышать ровно. Внутри меня, где-то за ребрами, теперь всегда жило это странное ощущение — хрупкости. Будто я несу в руках чашу с водой, наполненную до самых краев, и малейший резкий жест расплещет всё без остатка. Потом я спустилась на лифте до второго этажа. У дверей реанимации я замерла. Тяжелое стекло, за которым время как будто остановилось. Толкнула дверь и вошла.

— Вы к кому? — спросила дежурная медсестра, не поднимая головы от журналов.

— К сыну.

— Фамилия? — голос прозвучал сухо, по-деловому.

— Громов Никита Григорьевич.

— Вторая палата.

Я подошла к стеклу, за которым лежал Никита. В этот момент ко мне подошел лечащий врач.

— Ваш сын пришел в себя, — коротко сказал он, стягивая маску. — Сознание ясное, дышит сам. Идите, только недолго.

Я вошла. Никита лежал на высокой кровати, но теперь его глаза были открыты. Он смотрел в окно на серое небо. Уви-

дев меня, сын попытался пошевелиться и тут же поморщился.

— Не дергайся, — я почти подбежала к нему, насколько позволяли силы. — Привет, родной. Привет, мой хороший.

Села на табурет и накрыла его ладонь своей. Никита долго смотрел на меня, будто проверял, сильно ли я изменилась после того, что устроил отец несколько дней назад.

— Мам... — сказал он мне сипло, — Ты как?

— Теперь — хорошо. Раз ты на меня смотришь, значит, всё остальное неважно. Будем жить, Никит. Врачи говорят, ты крепкий.

Он чуть сжал мои пальцы.

— Прости меня. За мотоцикл. Я просто... не соображал тогда. В голове всё звенело. Его слова, его лицо. Будто всё, что было раньше, — вранье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.